УДК 903 DOI 10.17223/19988613/41/14

Н.Н. Головченко

«В ИХ РУКАХ СОЕДИНИЛИСЬ ПРЯСЛИЦЕ И НОЖ», ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЯСЛИЦ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (14–50–00036) «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

Целью работы является аналитическое осмысление пряслиц населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Данная категория находок, будучи одной из самых многочисленных, неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, однако в их изучении до сих пор имеется ряд неразрешенных вопросов. Анализ материалов позволил пролить свет на некоторые особенности ритуалов погребального обряда древнего населения Верхнего Приобья. Автор приходит к выводу о том, что пряслица в рамках погребальных ритуалов верхнеобского населения эпохи железа играли роль культового орудия, семантически связанного с одеждой погребенного, солярной символикой. Также на основе широкой источниковой базы в работе рассматриваются вопросы, связанные с интерпретацией пряслиц и технологий их использования. Отдельное внимание уделяется семантике шерстяной одежды и пряслица в среде населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Ключевые слова: Верхнее Приобье; эпоха раннего железа; пряслица; семантика; погребальный обряд.

Изучение археологических памятников Алтая является одной из актуальнейших задач современной археологической науки не только потому, что данный регион ориентирован на рекреационное экономическое развитие, но и в силу чисто научного интереса, определяемого его древним прошлым. К числу наиболее ярких древних культур Алтая и Верхнего Приобья относится большереченская культурно-историческая общность, оставившая для нас богатое культурное наследие. Большереченские памятники (поселения, грунтовые и курганные могильники) сохранили замечательные шедевры скифо-сакского искусства, поделки из золота, оружие и украшения. Однако, как это иногда бывает в археологии, больший интерес, чем изделия из золота, подчас представляют совершенно обыденные бытовые орудия. К числу таких находок, несомненно, относятся пряслица.

Пряслица — одна из самых распространенных категорий находок в погребальных памятниках эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна. В археологической литературе подробно освящены типологические и культурно-хронологические характеристики пряслиц. Однако вопросы, связанные с их культурно-исторической интерпретацией, по-прежнему остаются дискуссионными [1].

К примеру, В.Д. Викторова и О.В. Непомнящая связывают солярный орнамент пряслиц с ритуалами, сопутствующими металлургическому производству, подсечно-огневому земледелию и военным действиям, а в технико-технологическом отношении считают пряслица маховичками, служащими для добывания огня [2].

Схожих выводов в своих работах придерживаются Г.В. Бельтикова и Ю.Б. Сериков [3–6]. Определенную календарную символику в орнаменте пряслиц видят Л.И. Ашихмина и В.Д. Викторова [7, 8]. В.В. Отрощенко считает, что пряслица могли служить миниатюрными моделями священного мирового дерева [9].

А.В. Епимахов и Н.А. Берсенева допускают возможность использования пряслиц в качестве деталей детской игрушки – юлы [10]. А о пряслицах как орудиях ткацкого производства и элементе сопутствующих ему ритуалов говорят Б.А. Рыбаков, Т.Н. Троицкая, А.П. Бородовский, А.Н. Телегин, Я.В. Фролов, И.Ю. Чикунова, О.А. Печурина и др. [11–22].

Последней трактовки придерживаемся и мы. В нашем случае пряслица рассматриваются как приспособления для утяжеления ручного веретена при изготовлении нитей, играющие роль своеобразного грузика. Очевидно, что в таком случае сопутствующим пряслицу орудием должно быть веретено, однако среди археологических находок на памятниках Верхнего Приобья эпохи раннего железа нам неизвестно ни одной такой находки. Конечно, примитивное веретено могло быть изготовлено из дерева, и в климатических условиях Верхнего Приобья, даже в случае попадания в погребальные комплексы, оно бы не сохранилось. Кроме того, технологическая интерпретация пряслиц не разрешает проблему функциональности данных орудий в контексте погребальной обрядности населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Между тем разрешение данного вопроса способно, на наш взгляд, пролить свет на некоторые особенности погребального обряда и культовой многофункциональности орудий ткацкого ремесла.

Несмотря на наличие ряда статей, посвященных пряслицам Верхнего Приобья, многие вопросы их изучения по-прежнему остаются не рассмотренными. Так, в работе А.Н. Телегина пряслица рассмотрены в качестве культурно-диагностического признака памятников большереченской культурно-исторической общности (каменская, староалейская, большереченская) [14]. Я.В. Фролов полемизирует с А.Н. Телегиным о культурной принадлежности отдельных находок с памятника Ближние Елбаны, относя их к старо-

алейской культуре на основании сегментного орнамента пряслиц [15, 17].

Примечательно, что Я.В. Фролов указывает на необходимость создания классификационо-типологической схемы пряслиц Верхнего Приобья, но не предлагает ее на обсуждение в готовом виде. Между тем в качестве основного типологического признака пряслиц Я.В. Фролов предлагает использовать их орнамент. Нам представляется, что такой подход нефункционален в силу неизбежного разрастания таксономических рядов типологии, основанной на таком критерии, как орнамент.

Кроме того, все виды орнамента пряслиц (секторальный, радиальный, точечный и другие) лежат в рамках одного общего индоевропейского концепта солярной символики [4–6, 11, 23].

Более работоспособной мы, вслед за А.П. Бородовским и И.Ю. Чикуновой, считаем типологию пряслиц, основанную на технологических особенностях их использования (способ насада на веретено)¹ [19, 22, 24].

Примечательно, что аналогичной концепции придерживаются этнографы. Так, к примеру, Н.И. Лебедева, говоря о сучении нити восточными славянами в XIX -XX вв., осуществляет типологическое разделение пряслиц на верховые и низовые [25. С. 462]. Таким образом, всю совокупность пряслиц на высшем таксономическом уровне можно разделить на пряслица, насаживающиеся на верхнюю и нижнюю части веретена. И лишь уровень вида пряслиц может определяться орнаментом на изделии. Такой подход, по нашему мнению, позволит использовать пряслица не просто как культурнодиагностический признак на основе орнамента (который, как мы уже отметили, архитипичен), но как технологически диагностирующий маркер. Применение предложенной теоретической выкладки показывает, что население Верхнего Приобья эпохи раннего железа использовало оба типа изделий различных сечений повсеместно, т.е. с одинаковым успехом применялись обе технологии, так же как варьирующийся орнамент.

Рассмотренные выше вопросы типологии и классификации исконно важны в археологической науке, однако относительно пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа они могут быть отнесены уже к вопросам дискуссионной казуистики. Наиболее важной проблемой в изучении пряслиц нам представляется их историко-культурная интерпретация, и в частности ответ на вопрос: «Почему пряслица являются культурно-историческим маркером погребальных памятников Верхнего Приобья скифского времени?». В работах, посвященных погребальному обряду населения Верхнего Приобья эпохи железа, пряслица рассматриваются статистически, описывается контекст их находок, но нет реконструкций обрядовых погребальных практик, в соответствии с которыми пряслица попадают в погребения [14–17].

Нам представляется, что о роли пряслиц в погребальном ритуале можно говорить с трех позиций. Во-

первых, пряслице как профессиональный маркер погребенного. Во-вторых, пряслице как объект заупокойного культа. И, в-третьих, пряслице как объект погребального ритуала. Рассмотрим все варианты по порядку.

Пряслица встречаются в эпохи неолита, бронзы и железа на широкой территории в среде различных археологических и этнографических культур [25. С. 462]. Сырьевая основа пряслиц весьма обширна и представлена керамикой, металлами, камнем, костью, рогом, розовым шифером, тальком и др.² Однако орнаментальные традиции их оформления не слишком отличаются друг от друга, при глубоком их рассмотрении семантика пряслиц прочно связывается с солярной символикой и циклом кругового движения. На последнее весьма красноречиво указывает Б.А. Рыбаков: «Чем старше этнографические прялки, тем полнее в их орнаменте господствует солярная тема, являясь порой единственным сюжетом узора» [11. С. 154]. Принципиально отметить, что подобное господство солнечной тематики характерно не только для русских прялок и пряслиц, но и для пряслиц вообще. К примеру, сербские пряслица иной раз совершенно не отличимы от северорусских и имеют общие черты с уральскими и верхнеобскими эпохи палеометала как в общем контуре, так и в композиции солярных знаков, хотя между ними лежат гигантские пространства и временной разрыв, и ни о каком взаимовлиянии, разумеется, не может быть и речи.

Причина этого явления, видимо, кроется в том, что человечество издавна научилось прясть волокнистые растения и шерсть. Древние рыболовы ловили рыбу сетями, сделанными из нитей; охотники тенетами ловили птиц. Вероятно, пряслице и веретено уже тогда стали незаменимыми орудиями труда; женщины-пряхи не только изготавливали одежду, но и участвовали в важнейшем деле добывания пропитания. Возможно, тогда длинные нити стали иносказательным обозначением человеческой жизни — «нить жизни»³, и в силу этой семантической связи орудия, служащие для их создания, оказались связанными с погребальными обрядами, в том числе и населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Интерпретация пряслиц как профессионального маркера погребенных объективно затруднена в силу массовости их находок, не позволяющей отнести большую часть ингумированых в некрополях Верхнего Приобья скифского времени женщин к категории прях или ткачих. Косвенным подтверждением несостоятельности данной гипотезы является обнаружение пряслиц в погребениях умерших разного пола и возраста⁴.

Пряслице как объект заупокойного культа может быть интерпретировано как орудие, необходимое погребенному в загробном мире, например для кручения нитей и, возможно, изготовления новой одежды или использования в качестве оберега. В этом же контексте пряслица могут трактоваться и как раковины каури [29], в роли своеобразного эквивалента товарообмена

102 Н.Н. Головченко

(денег). Однако описанная гипотеза нуждается в дополнительном обосновании, которого в нашем распоряжении нет.

Известно, что погребальный ритуал состоит из комплекса автономных ритуалов, отличающихся семантическим единством и преследующий единую цель обеспечить умершему «правильный» переход из области жизни в пространство посмертного существования [28]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что пряслица в контексте погребального обряда населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа участвовали в отправлении отдельных неизвестных нам обрядов перехода [31]. К примеру, они могли переворачиваться орнаментом книзу или участвовать в обряде символического разрезания нити. В пользу существования обряда символического разрезания нити (или схожего с ним) в рамках погребального ритуала скифского населения Верхнего Приобья косвенным образом свидетельствует совместное обнаружение пряслиц и ножей. Пряслице и нож – устойчивое сочетание в предметном комплексе погребений умерших обоих полов верхнеобского региона эпохи железа. Вполне возможно, что с этими орудиями совершались некие действия, необычные для их повседневной функциональной нагрузки, связанные с изменением их состояния, с переходом в игровое пространство ритуала [32].

Исходя из изложенного, мы можем прийти к заключению о существовании определенного мифоэпического и обрядового индоевропейского концепта (архети-

па), тесно связанного с прядением и погребальными ритуалами [33]. Этот концепт фиксируется в ряде культур, но наиболее четко обозначен в среде индоевропейцев, даже на уровне мифических персонажей, одновременно связанных с плетением и смертью. К примеру, в Ригведах упоминается о Марутах - сыновьях Рудры, в руках которых по тексту источника «соединились пряслице и нож» [34. С. 211; 35]. Маруты – молодые юноши в золотых одеждах, воины, сражающиеся на стороне Индры или против него, соотносятся с силами бури и ветра, сеющими смерть. Вероятно, в более позднее время среди индоевропейских народов мотив прядения, связанный с мужскими персонажами, отошел на второй план, а женский мотив получил самое широкое распространение. Возможно, и в среде населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа существовали схожие мифоэпические образы, которые вплетались в канву их повседневной и культовой жизни и остались запечатленными для исследователей лишь в вещественных источниках - пряслицах, ножах и текстиле. Одежда, в которой хоронило своих умерших население Верхнеобского бассейна эпохи железа, изготавливалась из шерстяных нитей [36, 37]. Таким образом, создавался определенный мифоэпический контекст между образами овцы (козла), шерсти, веретена и пряслица, сучения нити, кройки и шитья одежды, ее ношения и помещения в погребальный комплекс, основанный на солярной символике, представлениях о фарне погребенных [38].

ПРИМЕЧАНИЯ

² На памятниках Верхнего Приобья обнаруживаются пряслица, изготовленные из керамики, металла, камня, кости и рога.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Берсенева Н.А., Берсенев А.Г. К проблеме функционального определения артефактов: керамические пряслица саргатской культуры // VI Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омский гос. ун-т, 2004. С. 202–204.
- 2. Викторова В.Д., Непомнящая О.В. «Пряслица» с памятника иткульского металлургического очага // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2006. С. 130–143.
- 3. Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 103–117.
- 4. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // XIII Уральское археологическое совещание: тез. докл. Уфа: Вост. ун-т, 1996. Ч. 2. С. 34–36.
- 5. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 93–101.
- 6. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральных свойствах талька // Челябинский гуманитарий. История. 2011. № 4 (17). С. 117–130.
- 7. Ашихмина Л.И. Реконструкция представлений о мировом дереве у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа // Серия препринтов «Научные доклады». Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1992. Вып. 298. 32 с.
- 8. Викторова В.Д. Пряслица в мифо-ритуальной практике народов Урала в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. науч. конф. Пермь : ПГУ, 2003. С. 194–197.
- 9. Отрощенко В.В. О функции колесовидных дисков эпохи поздней бронзы // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). М.: ИА РАН, 2004. С. 224–227.
- 10. Епимахов А.В. Берсенева Н.А. Homo ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 24–28.
- 11. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980. 196 с.

¹ Специальных исследований по трасологии верхнеобских пряслиц нам неизвестно, однако, скорее всего, результаты подобных работ окажутся тождественными выводам Н.А. Берсеневой и А.Г. Берсенева [26].

³ К примеру, нить и полотно по словарю Н.И. Толстого трактуются как конечный продукт тканья, символизирующий дорогу, путь, в том числе жизненный путь человека [27. С. 150]. А прядение — один из наиболее регламентированных видов домашней хозяйственной деятельности, преимущественно женской; в символическом смысле универсальная модель создания жизни, в том числе человеческой [28. С. 321]. Прядением занимаются многие мифические женские существа (кикиморы, шутихи, русалки, богиньки, Лорелея и др.).

⁴ Пряслица наиболее характерны для женских погребальных комплексов Верхнего Приобья эпохи раннего железа, они встречаются в каждом третьем-четвертом захоронении [15, 17]. Однако вместе с тем они встречаются в мужских и детских погребениях [13. С. 118]. Отдельное исследование, посвященное гендерной специфике пряслиц Среднего Прииртышья, было осуществлено Н.А. Берсеневой; аналогичные работы по Верхнему Приобью нам неизвестны [30].

- 12. Понырко В. Прядение в первом тысячелетии до н.э. по материалам лесостепного Приобья // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1985. С. 34–35.
- 13. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.
- 14. Телегин А.Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 140–148.
- 15. Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 75–82.
- 16. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: АЗБУКА, 2008. 479 с.
- 17. Фролов Я.В. Пряслица из погребальных комплексов раннего железного века Барнаульского Приобья // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул: АЗБУКА, 2014. Вып. 1. С. 109–110.
- 18. Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н. К вопросу о прядении у саргатцев (по материалам поселенческого комплекса Омь-1) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 52–63.
- Чикунова И.Ю. Пряслица Рафайловского селища как источник по изучению прядения саргатцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 4. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 119–127.
- 20. Печурина О.А. У истоков прядения и ткачества: нить, веретено и пряслице // Дизайн. Материалы. Технология. 2013. № 3 (28). С. 87–92.
- 21. Печурина О.А. Нить, катушка, веретено и пряслице (происхождение) // Дизайн. Материалы. Технология. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 51–60.
- 22. Бородовский А.П., Бородовская А.П. Археологические памятники долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 220 с.
- 23. Котов В.Г. Семантика пряслиц ананьинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. конф. Пермь : ПГУ, 2003. С. 201–202.
- 24. Бородовский А.П. Предметы примитивного прядения как индикатор этнотерриториальных границ горного Алтая в эпоху раннего железа // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезнувших языков и культур. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. Т. II. С. 9–12.
- 25. Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX–XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Труды Института этнографии РАН. Новая серия, 1956. Т. 31. С. 461–540.
- 26. Берсенева Н.А., Берсенев А.Г. Трасологические аспекты изучения керамических пряслиц // Северный Археологический Конгресс : тез. докл. Екатеринбург : Академкнига, 2002. С. 221–222.
- 27. Толстой Н.И. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. Т. 3. 704 с.
- 28. Толстой Н.И. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. Т. 4. 656 с.
- 29. Головченко Н.Н. Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения верхнеобского бассейна эпохи раннего железа // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 33–37.
- 30. Берсенева Н.А. Пряслица и проблема гендера в саргатских погребениях (по материалам Среднего Прииртышья) // VI Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омский гос. ун-т, 2004. С. 198–201.
- 31. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточ. лит., 1999. 2002 с.
- 32. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова ; коммент. Д.Э. Харитоновича. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
- 33. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 85 с.
- 34. Ригведа. Мандалы V–VIII / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1989. 754 с.
- 35. Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригведы // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 111–115.
- 36. Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2015. Т. 14, № 7. С. 30–38.
- 37. Головченко Н.Н. Реконструкция одного из вариантов погребального костюма населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (по материалам коллекции памятника Новотроицкое-1) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета: музееведение и сохранение историко-культурного наследия. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 64–68.
- 38. Бородовский А.П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 135–140.

Golowchenko Nikolai N. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

"IN THEIR HANDS JOINED SPINDLES AND A KNIFE" OR SOME OF THE QUESTIONS OF INTERPRETATION OF THE CULT SPINDLES POPULATION UPPER OB EARLY IRON AGE.

Keywords: Upper Ob; the Early Iron Age; spindles; semantics; funeral rites.

Spindles - one of the most common categories of finds in the burial monuments of the Early Iron Age in Verhneobskogo pool. In the archaeological literature discussed in detail typological, cultural and chronological characteristics of the spindles. However, issues related to their cultural and historical interpretation, remain controversial. So consider one of their devices to ignite the fire, other toys and cult objects or instruments of weaving. Despite the presence of a number of articles devoted to the spindles of the Upper Ob questions of typology and semantics are not considered. The most important problem in the study of spindles seems to us their historical and cultural interpretation, and in particular the response to the question: "Why spindles are cultural and historical marker funeral monuments of the Upper Ob Scythian time?". The works devoted to the funeral rites of the population of the Upper Ob in the Early Iron Age spindles considered statistically, describes the context of their findings, but there is no reconstruction of ritual burial practices, according to which the spindles fall into the burial. We believe that the role of the spindles in the funeral ritual, you can talk to three positions. The first spindles as a professional marker buried. Secondly, spindles as an object of the funeral cult. And thirdly, spindles as an object of the funeral ritual. It is known that the funeral ritual consisting of a set of autonomous ritual differing semantic unity and pursue a common goal - to ensure the deceased a «correct» the transition from the field of life in the space of existence after death. Based on the foregoing, it can be assumed that the spindles in the context of the funeral rites of the population of the Upper Ob Early Iron Age and to participate in certain rites of passage unknown to us. For example, they can turn down an ornament or to participate in the ritual of the symbolic cutting of the thread. Based on the above, we can come to a conclusion about the existence of a certain ritual mythoephic and Indo-European concept (archetype) is closely associated with the spinning and funerary rituals.

104 Н.Н. Головченко

REFERENCES

- 1. Berseneva, N.A. & Bersenev, A.G. (2004) [On determining the function of artifacts: Ceramic whorls of Sargatka Culture]. VI Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova [The Sixth Historical Readings in the memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 202-204. (In Russian).
- 2. Viktorova, V.D. & Nepomnyashchaya, O.V. (2006) ["Whorls" from the site of the Itkul metallurgical hearth]. *Pyatye Bersovskie chteniya* [The Fifth Bersov Readings]. Yekaterinburg: KVADRAT. pp. 130-143. (In Russian).
- 3. Beltikova, G.V. (1988) Pamyatnik metallurgii na ostrove Malyy Vishnevyy [The metallurgy monument on Maly Vishnevy]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [The material culture of the ancient population in the Urals and West Siberia]. Sverdlovsk: Urals State University. pp. 103-117.
- 4. Serikov, Yu.B. (1996) [On the sacred and functional purposes of the so-called whorls]. XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie [The Thirteenth Ural Archaeological Meeting]. Ufa: Vostochnyy universitet. pp. 34-36. (In Russian).
- 5. Serikov, Yu.B. (2005) K voprosu o sakral'nom i funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh pryaslits [On the sacred and functional purposes of the so-called whorls]. In: Borzunov. V.A. (ed.) Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri [Archeology of the Urals and Western Siberia]. Yekaterinburg: Urals State University. pp. 93-101.
- Serikov, Yu.B. (2011) K voprosu o sakral'nykh svoystvakh tal'ka [On the sacred properties of talc]. Chelyabinskiy gumanitariy. Istoriya. 4(17). pp. 117–130.
- Ashikhmina, L.I. (1992) Rekonstruktsiya predstavleniy o mirovom dereve u naseleniya Severnogo Priural'ya v epokhu bronzy i rannego zheleza
 [Reconstruction of the conceptions of the world tree and the population of the Northern Urals in the Bronze Age and Early Iron]. Syktyvkar: UrO
 RAN.
- 8. Viktorova, V.D. (2003) [Whorls in myth and ritual practices of the peoples of the Urals in the early Iron Age]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie* [International (16th Ural) Archaeological Workshop]. Proc. of the International Research Conference. Perm: Perm State University. pp. 194-197. (In Russian).
- 9. Otroshchenko, V.V. (2004) O funktsii kolesovidnykh diskov epokhi pozdney bronzy [About the wheel-type discs in the Late Bronze Age]. In: Gulyaev, V.I. & Kuz'minykh, S.V. (eds) *Problemy pervobytnoy arkheologii Evrazii (k 75-letiyu A.A. Formozova)* [Problems of prehistoric archeology of Eurasia (the 75th anniversary of A.A. Formozov)]. Moscow: RAS. pp. 224-227.
- 10. Epimakhov, A.V. & Berseneva, N.A. (2015) Homo ludens in the South Ural Bronze Age (games and toys). Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta Bulletin of Kemerovo State University. 2(6). pp. 24-28. (In Russian).
- 11. Rybakov, B.A. (1980) Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of Ancient Slavs]. Moscow: Nauka.
- 12. Ponyrko, V. (1985) Pryadenie v pervom tysyacheletii do n.e. po materialam lesostepnogo Priob'ya [Spinning in the first millennium BC based on the forest-steppe Ob]. In: *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archeology of Siberia and the Far East]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 34-35.
- 13. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [The Bolsherechye culture of the steppe Ob]. Novosibirsk: Nauka.
- 14. Telegin, A.N. (1999) Opyt ispol'zovaniya pryaslits v kachestve kul'turno-diagnostiruyushchego istochnika (po materialam epokhi rannego zheleza) [The use of whorls as a cultural and diagnosing source (based on the Early Iron Age)]. In: *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology and History of Southern Siberia]. Barnaul: [s.n.]. pp. 140-148.
- 15. Frolov, Ya.V. (2000) O pryaslitsakh rannego zheleznogo veka Verkhnego Priob'ya kak kul'turno-diagnostiruyushchem priznake [About whorls in the Early Iron Age of the Upper Ob as a cultural and diagnosing sign]. In: Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (eds) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical problems of the history of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 75-82.
- 16. Frolov, Ya.V. (2008) Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e.— II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) [The funeral rite of the population of Barnaul Ob Region in the 6th B.C.—2nd B.C. (according to the earthen burial data)]. Barnaul: AZBUKA.
- 17. Frolov, Ya.V. (2014) Pryaslitsa iz pogrebal'nykh kompleksov rannego zheleznogo veka Barnaul'skogo Priob'ya [Whorls from the funerary complexes of the Early Iron Age in the Barnaul Ob]. In: Derevyanko, A.P. (eds) Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoy Sibiri i Altaya [An interdisciplinary study of the archeology of West Siberia and Altai]. Barnaul: AZBUKA. pp. 109-110.
- 18. Chemyakina, M.A. & Mylnikova, L.N. (1995) K voprosu o pryadenii u sargattsev (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1) [On spinning of the Sargat people (based on the settlement Om-1)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra* [Archeology of yesterday, today and tomorrow]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 52-63.
- 19. Chikunova, I.Yu. (2004) Pryaslitsa Rafaylovskogo selishcha kak istochnik po izucheniyu pryadeniya sargattsev [The whorls of Rafaylovskoe Villages as a source for the study of spinning at the Sargat people]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography. 4. pp. 119-127.
- 20. Pechurina, O.A. (2013) U istokov pryadeniya i tkachestva: nit', vereteno i pryaslitse [The origins of spinning and weaving: a thread, a spindle and a whorl]. Dizayn. Materialy. Tekhnologiya Design. Materials. Technology. 3(28). pp. 87-92.
- 21. Pechurina, O.A. (2013) Nit', katushka, vereteno i pryaslitse (proiskhozhdenie) [A thread, a spool, a spindle and a whorl (on the origin)]. *Dizayn. Materialy. Tekhnologiya. Seriya 3: Ekonomicheskie, gumanitarnye i obshchestvennye nauki Design. Materials. Technology.* 1. pp. 51-60.
- 22. Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, A.P. (2013) *Arkheologicheskie pamyatniki doliny Nizhney Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites in the valley of the Lower Katun in the paleometal era]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
- 23. Kotov, V.G. (2003) [Semantics of the whorls in the Ananyino Culture]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie* [International (XVI Ural) Archaeological Workshop]. Proc. of the International Conference. Perm: Perm State University. pp. 201-202. (In Russian).
- 24. Borodovskiy, A.P. (1995) [Objects of the primitive spinning as an indicator of ethno-territorial boundaries of mountain Altai in the early Iron Age]. *Aborigeny Sibiri: Problemy izucheniya ischeznuvshikh yazykov i kul'tur* [Aboriginal Siberia: On studying extinct languages and cultures]. Proc. of the Conference. Novosibirsk: IAE SB RAS. pp. 9-12. (In Russian).
- 25. Lebedeva, N.I. (1956) Pryadenie i tkachestvo vostochnykh slavyan v XIX–XX v. [Spinning and weaving of the Eastern Slavs in the 19th 20th centuries]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik* [East Slavic Ethnographic Collection]. Vol. 31. Moscow: Proc. of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences. pp. 461-540.
- 26. Berseneva, N.A. & Bersenev, A.G. (2002) [Trasological aspects of the study of ceramic whorls]. Severnyy Arkheologicheskiy Kongress [Northern Archaeological Congress]. Abstracts of reports. Yekaterinburg: Akademkniga. pp. 221-222. (In Russian).
- 27. Tolstoy, N.I. (2004) Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Institute of Slavic Studies.
- 28. Tolstoy, N.I. (2009) Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Institute of Slavic Studies.
- 29. Golovchenko, N.N. (2015) [Cowrie shells as part of belt accessories at the population of the Upper Ob basin in the early Iron Age]. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae* [Field studies in Irtysh, Ob and Upper Altai]. Proc. of the Tenth International Conference. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 33-37. (In Russian).
- 30. Berseneva, N.A. (2004) [The whorls and the issue of gender in Sargat graves (based on the Middle Irtysh data)]. *VI Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The Sixth Historical Readings in the memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 198-201. (In Russian).

- 31. Gennep, A. (1999) Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov [The rites of passage. The systematic study of the rites]. Moscow: Vostochnava literatura.
- 32. Huizinga, J. (1997) *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on the history of culture]. Translated from English by D.V. Silvestrov. Moscow: Progress-Traditsiya.
- 33. Yung, K.G. (1991) Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]. Moscow: Renessans.
- 34. Grintser, P.A. (ed.) (1989) Rigveda. Mandaly V-VIII [The Rigveda. Mandala V-VIII]. Moscow: Nauka.
- 35. Golovchenko, N.N. (2015) Search for parallel clothes articles of the population of the Upper Ob in the Early Iron Age in the hymns of the Rigveda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya Tomsk State University Journal of History.* 1(33). pp. 111-115. (In Russian).
- 36. Golovchenko, N.N. (2015) Rezul'taty predvaritel'nogo tekhniko-tekhnologicheskogo analiza obraztsov tkani iz nekropolya Novotroitskoe-1 (Verkhnee Priob'e) [The results of the preliminary technical and technological analysis of tissue samples from the necropolis Novotroitskoe-1 (Upper Ob)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 14(7). pp. 30-38.
- 37. Golovchenko, N.N. (2015) Rekonstruktsiya odnogo iz variantov pogrebal'nogo kostyuma naseleniya Verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza (po materialam kollektsii pamyatnika Novotroitskoe-1) [Reconstruction of a variant of the burial costume at the population of the Upper Ob basin in the Early Iron Age (based on the collection from Novotroitskoe-1 site)]. In: *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: muzeevedenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediya* [Bulletin of Altai State Pedagogical University: Museology and the preservation of historical and cultural heritage]. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 64–68.
- 38. Borodovskiy, A.P. (2004) Farn skifskogo vremeni v Sibiri i osobennosti izobrazheniya roga [Farne of the Scythian time in Siberia and peculiarities of the horn image]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 4. pp. 135-140.